

МИР И НАСИЛИЕ

Статья для газеты «Афтенпостен»

1

Потрясённые двумя кряду грандиозными мировыми войнами, наши последние поколения совершили эмоциональную ошибку или сдвиг: угрозу мирному, справедливому, доброму существованию человечества стали видеть почти исключительно в войнах, чем и укрепилось основное противопоставление «мир — война». И созывались весьма шумные и весьма односторонние конгрессы, избирались Всемирные Советы. И деятели, посвятившие усилия (кто искренно, а кто демагогически) предотвращению новых войн (иногда — некоторого разряда этих войн и в пользу войн другого разряда), получили или присвоили себе звание «сторонников мира».

Но такое звание гораздо шире взятой ими задачи. Движение «против войны» это далеко ещё не всё движение «за мир».

Противопоставление «мир — война» содержит логическую ошибку: целая теза противопоставляется *части* антитезы. Война есть массовое, густое, громкое, яркое, но далеко не единственное проявление никогда не прекращённого многоохватного мирового насилия. Противопоставление же логически равновесное и нравственно истинное есть:

М И Р — Н А С И Л И Е.

Существование человечества разрушается и разъедается не только бурными нарывами войн, но и постоянными неуступчивыми процессами насилия, иногда тоже бурными, иногда вялыми и скрытыми. И если принято говорить (и это верно), что «мир неделим», что малое нарушение его (однако не только военное!) уже нарушает *весь мир*, — то *так же неделимо и насилие*. И захват *одного* заложника и *один* угон самолёта есть такая же угроза всеобщему миру, как орудийный выстрел на государственной границе или бомба, сброшенная на территорию другой страны.

Но здесь, как и в сомнительной классификации войн на «допустимые» и «недопустимые», мы сразу сталкиваемся с корыстным противодействием истине: известные группы насильников настаивают не считать угрозой миру (а даже благодеянием ему) именно ту форму насилия, которую применяют *они*.

Например, терроризм последних лет. Настороженное, напряжённое относительно войн, человечество оказалось небдительно, ослаблено относительно других видов насилия, — вот и в полном разброде, практически не готовое отразить терроризм ничтожных одиночек. И — разительно! — всемирная гуманная организация не смогла произнести *даже нравственного осуждения* терроризму! Корыстное большинство ООН такому осуждению противопоставило классификационные сомнения: да всякий ли терроризм вреден? и где же научное определение терроризма?

В шутку можно было бы предложить им такое: «когда нападают на нас — это терроризм, а когда нападаем мы — это партизанское освободительное движение».

Серьёзно же. Отказываются признать терроризмом вероломное нападение в мирной обстановке на мирных людей со стороны скрытовооружённых, часто переодетых в гражданские военных. Требуют: изучить групповые цели террористов, поддерживающую их базу, идеологию и, может быть, признать священным «партизанством». (Дошло до юмористического уже термина «городские партизаны» в Южной Америке.)

Конечно, возрастая количественно и в сплошном территориальном охвате, терроризм где-то переходит в партизанство (для отвоевания своей ли территории или для перенесения войны и революции на чужую территорию), а партизанство — в регулярную войну, руководимую через

границу военными штабами. По всеобщей неделимости насилия такие плавные переходы существуют, да, и могут представить некоторые классификационные трудности, особенно для тех, кто эмоционально заинтересован *не* добыть истину и оправдать какие-то из видов насилия. Однако ободрю классификаторов примером из истории СССР. Массовые крестьянские движения 1920–21 годов в Сибири, в Тамбовской губернии и в Узбекистане, в составе десятков тысяч человек и в разлив на пространства целых государств (по масштабам Европы), без всякого терминологического спора названы у нас *бандитскими*, и это успешно внедрено в сознание уцелевших (далеко не все уцелели) потомков тех повстанцев, так что они без иронии называют своих отцов и дедов «бандитами».

По той же неделимости мирового насилия истинное, то есть не руководимое зарубежными центрами, массовое стихийное партизанство бывает вызвано постоянными силовыми незаконными решениями своего правительства — *систематическим государственным насилием*.

Такое устоявшееся перманентное государственное насилие, за десятилетия своего господства успевающее принять все «юридические» формы, кодифицировать толстые своды своих насильственных «законов» и накинуть мантии на плечи своих «судей», есть грознейшая опасность сегодняшнему миру, хотя мало кем это сознаётся. Такое насилие уже не нуждается ни подкладывать взрывные устройства, ни сбрасывать бомбы, его процедура совершается в строгом безмолвии, редко нарушенном последним криком удушаемого. Такое насилие разрешает себе выглядеть и благообразным, и дружелюбным, и очень мирным, и вовсе дремлющим.

Но масштабы такого насилия можно примерно оценить по подсчётам профессора статистики И. А. Курганова (они опубликованы на Западе, исследователям доступно проверить их основательность). Советский опыт уничтожения оценивается им в 66 миллионов смертей, то есть очевидно *больше, чем потеряли все воевавшие страны, вместе взятые, за две мировые войны*.

Такие цифры полезны тем, кто преуменьшает значение «вялых», «мирных» форм насилия перед «горячими» войнами.

2

Ошибка в том, какой же объём включён в понятие «мир», именно — эмоциональная, я не оговорился. Это часто так: не потому мы ошибаемся, что нам разглядеть истину трудно, да она даже на поверхности лежит, а потому ошибаемся, что приятнее и легче всего вести познание в согласии именно с чувствами, особенно — эгоистическими. Истина давно была и показана, и доказана, и объяснена, но оставлена без внимания и сочувствия, подобно «1984» Оруэлла по «всеобщему заговору лести» (выражение самого автора).

Достоверно доказанные зверские массовые убийства в Гуэ были замечены лишь слегка, почти тут же прощены — ибо *в ту сторону* лилась симпатия общества и не хотелось нарушать этой инерции. Было досадно только, что эти сведения просочились в свободную печать и на время (совсем короткое) причинили неловкость (совсем небольшую) неистовым защитникам северовьетнамской системы. Неужели можно поверить, что порхающий мотылёк Рэмзи Кларк, перед тем всё же министр юстиции, просто «понятия не имел», просто догадаться не мог, что военнопленный, который подаёт ему бумагу, нужную политическим целям Кларка, перед тем подвергнут пытке? (Он мог только *формы* не знать: что именно за сломанную руку верёвкой через блок в потолке, поднимая и опуская.) Да в Соединённых Штатах никто это Кларку и в упрёк не поставил, это же не «вотергейт». С таким же нравственным перекосом мог осмелиться лидер английских лейбористов поехать в чужую страну (разумеется, не африканскую, этого бы ему не спустили!—но в Чехословакию) и там произносить самовольные «прощения» правительству, не спросив местного населения. А когда в 1968 единственные норвежцы предложили по свежим августовским следам *не всех* допустить к олимпийским играм, — с тем же нравственным окривлением большинство олимпийцев стыдливо

замерло, зажмурилось, забормотало о высоких интересах спорта и коммерции. Но какой стеной они выстраиваются, если нужно протестовать *в другую сторону!* Да разве так, как генерала Григоренко, смогла бы четыре года безнаказанно держать и пытаться негритянского деятеля Южно-Африканская Республика? Да буря мирового негодования давно бы сорвала уже крышу с той тюрьмы!

В 1966 английский журнал с простора своей неограниченной свободы не счёл бестактным назвать «честолюбивым» замысел М. Михайлова создать такой же точно свободный журнал в Югославии. А немецкий журнал из своей безмятежности рассудил, что замысел Михайлова есть «преждевременная и дурная услуга либерализации!» (После сокрушения Михайлова мы видим, как, уже не встречая дурных услуг, либерализация широко разлилась по Югославии...) Или вот недавняя отчаянная смелость новозеландских и австралийских протестов против французских ядерных испытаний, — а отчего же не против китайских, гораздо более серьёзных? Только ли потому, что при необъявленных сроках велики расходы на содержание контрольного корабля? Убеждённо скажу: кроме окривления — ещё просто из малодушия, ибо из экспедиции в китайскую пустыню или к китайским берегам никто бы не вернулся — и они *знают* это. Лицемерие многих западных протестов в том и состоит: протестуют там, где не опасно для жизни, где ожидают отступления оппонента и где не попадёшь под осуждение «левых» кругов (желательно протестовать всегда с ними заодно). И таковы же — распространёнейшие ныне формы «нейтралитета» или «неприсоединения»: одной стороне всегда поддакивать и угождать, другую (притом кормящую!) всегда лягать.

До наступления резвого оборотистого XX века одновременное существование двух шкал нравственных оценок в человеке, общественном течении или даже правительственном учреждении называлось *лицемерием*. А как назовём это сегодня?

Неужели этот массовый лицемерный перекосяк Запада виден только издали, а вблизи не виден?

Этим густым лицемерием несёт и от сегодняшней американской политической жизни, от перекиривленного зрением вождей Сената и от бречащего «вотергейтского дела». Нисколько не защищая ни Никсона, ни республиканскую партию, как не изумиться этой притворной шумной ярости демократов? А что ж они думали: демократия, не имеющая никакой обязательной этической основы, демократия как *борьба интересов*, не выше, чем интересов, борьба по регламенту всего лишь конституции, без этического купола над собой, — что ж, она не была полна обоюдных обманов и злоупотреблений в прежних избирательных кампаниях, только, может быть, не на уровне электронной техники и счастливым образом не вскрытых?

Меня лично, все эти годы занятого исследованием русской жизни перед её крушением, поражает невозможное, кажется, сходство русской монархии в её последние годы и, например, республиканских Соединённых Штатов в их нынешние, смею предсказать, тоже последние годы перед великим расстройством. Сходство не в материально-экономической сфере и не в социальной структуре, но главней того: в психологической безудержности, в эмоциональной безоглядчивости политиков. Так, весь яростный штурм демократов вокруг вотергейтского дела кажется пародией на яростный и опрометчивый штурм кадетов в 1915-16 против Горемыкина-Штюрмера.

Это одна из загадок иррациональной истории: каким образом Россия в конце XIX века, ещё индустриально не вооружённая, ещё косная в своём медлительном существовании, получила такой импульс, совершила такой динамический скачок, что сейчас русский исследователь смотрит на нынешнюю западную общественную жизнь как «назад», как «в прошлое». И до грусти смешно наблюдать, как общественные течения, деятели и молодёжь Запада с опозданием в 50 и 70 лет повторяют «наши» идеи, заблуждения и поступки.

И, наоборот, можно согласиться, как утверждают многие и многие: что происходящее в СССР есть не просто «происходящее в одной из стран», но есть *завтра человечества*, и потому к своим внутренним процессам достойно полного внимания западных наблюдателей.

Нет, не трудности познания затрудняют Запад, но *нежелание знать*, но эмоциональное предпочтение приятного — суровому. Руководит таким познанием дух Мюнхена, дух ублажения и уступок, трусливый

самообман благополучных обществ и людей, потерявших волю к ограничениям, к жертвам и к стойкости. И хотя этот путь *никогда* не приводил к сохранению мира и справедливости, всегда бывал попран и поруган, — человеческие чувства оказываются сильнее самых отчётливых уроков, и снова и снова расслабленный мир рисует сентиментальные картины, как насилие великодушно смягчится и охотно откажется от превосходства своей силы, а пока можно продолжать беззаботное существование.

И «самолётный» и всякий иной терроризм десятикратно разлился именно потому, что перед ним слишком поспешно капитулируют. А когда проявляют твёрдость, то и побеждают его всегда, заметьте.

От большого объёма и сложности того, что составляет *мир*, решающая борьба за него в современном человечестве происходит далеко не только на конференциях дипломатов или конгрессах профессиональных ораторов со сбором миллионов добрых пожеланий. Самые-то страшные виды немирности протекают без атомных ракет, без морских и воздушных флотов, так *мирно*, что могут восприняться почти как «традиционный народный обычай». И поэтому *существование* на тесной слитой Земле правильно мыслить как существование не только без войн, этого мало! — но и *без насилия*: как жить, что говорить, что думать, что знать и чего не знать...

Не знаю, как в Европе, а в нашей стране вдоль всех железных дорог выложено камешками: «миру — мир!» и «за мир во всём мире!». Можно принять эту пропаганду как очень полезную, если она будет означать: чтобы во всём мире не только не было войн, но прекратилось бы и всякое *внутреннее* насилие.

Чтобы достичь не короткой отодвижки военной угрозы, а мира действительного, мира по сущности, по здоровой основе своей, — надо против «тихих», спрятанных видов насилия вести борьбу, никак не менее строго, чем против «громких». Поставить задачей остановить не только ракеты и пушки, но и границы государственного насилия остановить на том пороге, где кончается необходимость защиты членов общества. Изгнать из человечества самую идею, что кому-то дозволено применять силу вопреки справедливости, праву, взаимной договорённости.

И тогда: служит миру не тот, кто рассчитывает на добродушие насильников, но тот, кто неподкупно, непреклонно и неутомимо отстаивает права угнетённых, покорённых и убиваемых.

Т а к и е борцы за мир на Западе, сколько я могу судить издали, — тоже есть, и, значит, у них есть аудитория, и это не даёт нашим надеждам окончательно затмиться.

Я не компетентен перечислять имена таких людей на Западе. У нас же естественно назвать — Андрея Дмитриевича Сахарова.

3

Распространившаяся ошибка в определении мира как «антивойны», а не как «анти-насилия» естественно привела и к ошибочным оценкам заслуг отдельных деятелей в борьбе за мир.

Лучшим борцом за мир, собирающим лавры в аэропортах и в парламентах, начинает пониматься тот, кто любой ценой отодвигает дыхание войны — «горячей» или «холодной» (точней бы назвать её «ругательной», в ней Запад всегда проигрывает, ибо его фразы и утверждения подвержены анализу критики; или назвать войной нервов, соревнованием упорств, — тем более Запад обречён всегда проигрывать); любыми уступками добивается прекращения газетной брани, создаёт передышку для торговли и мнимого благоденствия. Напротив, люди, неколебимо ставшие на пути глобальной опасности миру со стороны *в с е х* видов насилия, иногда рискуют быть причисленными даже к «поджигателям войны», а то и расчётливо оклеветываются так.

Этот сдвиг в понимании, *чему же именно* противостоит мир, сказывается и на деятельности Нобелевского комитета мира. Его суждения и решения с одной стороны естественно определяются настроениями мировой общественности, но с другой стороны, так же естественно,

ответно формируют их, дают критерии. И поэтому ответственность Нобелевского комитета мира в избрании лауреатов — исключительно велика. Даже когда Нобелевский комитет не присуждает премии никому, это тоже вырастает в значение весомое: что заслуги и полезность деятельности предыдущего лауреата столь велики, что с ними не идут в сравнение ничьи другие. Ещё опаснее ложное направление оценок, например... взять подалее пример, — как если бы в 1939 году (помешала мировая война, а в октябре 1938 было уже по времени поздно) присудили Нобелевскую премию мира Невиллю Чемберлену. Высшее недоумение и разброд в оценках вызвало бы сегодня и увенчание такого деятеля, который может быть отчасти и способствовал ослаблению мировой напряжённости методами «неприсоединения», но у себя в стране известен как подавитель свободы и национальных движений.

Если нобелевские премии увенчивают многолетние усилия отдельных людей, ещё укрепляя авторитет этих людей для их последующей деятельности, то в не меньшей степени достойный или недостойный выбор кандидатов возвышает или подрывает авторитет самого института нобелевских премий.

Пользуясь правом нобелевского лауреата выдвигать кандидатов на нобелевские премии и не имея возможности обратиться к Нобелевскому комитету иначе как посредством этой статьи в газете «Афтенпостен», — я прошу считать эти мои строки формальным выдвижением Андрея Дмитриевича Сахарова в кандидаты на присуждение нобелевской премии мира 1973 года.

Обоснование этого я, по сути, уже дал в своём недавнем интервью газете «Монд»: неутомимое многолетнее и жертвенное (лично ему опасное) противодействие А. Д. Сахарова — настойчивому государственному насилию над отдельными личностями и группами населения. Такую деятельность, в понимании, развиваемом данной статьёй, и следует оценить как высший вклад в дело всеобщего мира, вклад не показной, не призрачный, но самый основательный: малыми индивидуальными силами героически задерживать могущественное насилие, а значит — укреплять всеобщий мир.

И пусть Нобелевский комитет не испытает сомнения из-за прошлых, слишком больших достижений Сахарова в области вооружения, не ощутит в том парадоксальности: в осознании человеческим духом своих прежних ошибок, в очищении от них, в искуплении их — как раз и содержится высший смысл пребывания человечества на Земле.

Сентябрь 1973
Москва